

УДК 316.613.432

НАТАЛИЯ КОСТЕНКО,

доктор социологических наук, заведующая
отделом социологии культуры и массовых
коммуникаций Института социологии НАН
Украины

СЕРГЕЙ МАКЕЕВ,

доктор социологических наук, заведующий
отделом социальных структур Института
социологии НАН Украины

К социологии недоверия

Аннотация

Социологическая традиция предписывает интерпретировать доверие в позитивном ключе — как залог устойчивого порядка, функционирования общества в режиме сокращающихся издержек разных видов, успешной включенности индивидов в социум в виде рационализированных действий и взаимодействий, отлаженной межличностной коммуникации в рамках больших или меньших по размерам групп и общностей. Но тогда недоверие неизбежно должно представляться негативной альтернативой, знаком розни и подозрительности, обременительной дисфункцией, манифестацией архаичных или же забюрократизированных отношений между людьми, группами людей, организациями, институтами. В последнее время внимание исследователей привлекли ранее не рассматривавшиеся функции недоверия, постепенно обретшего онтологический статус. Обсуждаются истоки и причины распространения недоверия в современных обществах, а также культурная составляющая питательной среды отчужденности граждан и институтов от общих задач, инспирированная культурой избытка разнообразных версий реальности, заменяющей доверие к ним их предпочтением в качестве критерия выбора приемлемых. То есть недоверие, воплощенное в структурную форму, уместно идентифицировать как отсутствие доверия в результате неопровержимой дискредитации социальных институтов и политических лидеров, но также и как безотносительность к доверительному императиву.

Ключевые слова: социальные настроения, доверие, недоверие, демократия

Недоверие граждан Украины к политическим институтам общества — факт общеизвестный и настолько устойчивый, что о доверии все реже говорят публично. Разве что рекламная риторика, да и то ближе к очередным выборам, апеллирует к этому концепту. К тому же данные всех пяти волн Европейского социального исследования (ESS) свидетельствуют, что уровень доверия населения к властным структурам в Украине самый низкий в сравнении с гражданами других государств континента. Связь между подобным настроением, фиксируемым опросами общественного мнения, и политическим действием хотя и существует, но не прослеживается — или даже не может быть прослежена — сколько-нибудь достоверно. Далеко не очевидны и условия, которые должны быть выполнены для того, чтобы недоверие трансформировалось в оппозиционное действие или направленное в поддержку, что остается вполне реальной перспективой. И потому если недоверие и стоит, к примеру, считать причиной событий в Киеве зимой 2013–2014 годов, то явно не первостепенной в ряду многих иных, более побудительных. Что означает практически полное отсутствие доверительных отношений между основными социальными субъектами с точки зрения перспектив общественного развития — остается неясным, требует осмысления, а также уточнения проблематики доверия, которая попадает сегодня в фокус диагностики состояний современных демократий¹.

Доверие vs Недоверие: пересмотр асимметрии

Удивительно стойкая социологическая традиция предписывает интерпретировать доверие в позитивном ключе — как залог устойчивого порядка, функционирования общества в режиме сокращающихся издержек разных видов, успешной включенности индивидов в социум в виде рационализированных действий и взаимодействий, отлаженной межличностной коммуникации в рамках больших или меньших по размерам групп и общностей. Но тогда недоверие неизбежно должно представляться негативной альтернативой, знаком розни и подозрительности, обременительной дисфункцией, манифестацией архаичных или же забюрократизированных отношений между людьми, группами людей, организациями, институтами. Изъяны современности самыми авторитетными социологами современности увязываются с дефицитом доверия и избытком недоверия, то есть доверие признается и считается безусловным благом, добродетелью, на него делается ставка в модернизационных проектах, а его противоположность подлежит ограничению, если не окончательному устранению. Статья Л.Гудкова из Центра Ю.Левады, например, в полной мере следует подобной содержательной установке [Гудков, 2012].

Очевидным контекстом таких представлений являются идеи Модерна, а в декларации Конта и основанного им Позитивистского общества — идеи

¹ Статья написана как завершающая часть книги, подготовленной авторским коллективом Института социологии по материалам опроса “Социальное доверие, власть и реформы: современное состояние и перспективы”, заказанного Государственным комитетом по вопросам науки, инноваций и информатизации; эмпирический этап проведен Центром социальных и маркетинговых исследований “СОЦИС” в декабре 2011 года. Книга “Общество без доверия” планируется к изданию.

Прогресса и Порядка. Социальный и интеллектуальный порядок на основе доверия выделялся и все еще видится прогрессистски настроенным представителям социальных и политических наук безусловно более возможным и предпочтительным, рационально оправданным рецептом благой жизни. В начале последнего десятилетия прошлого века энтузиасты из нью-йоркской Russell Sage Foundation, обеспокоенные заметным убыванием доверия в усложняющемся и глобализирующемся финансово-экономически и телекоммуникативно обществе, инициируют серию публикаций о доверии. К настоящему моменту она насчитывает уже 16 томов, оставаясь несколько в тени широко известных работ Ф.Фукуямы и П.Штомпки. В 2002 году в предисловии к своей книге “Доверие и доверительность” (четвертой в серии) Р.Хардин признается, что именно по настоянию Р.Мертонна, обратившего его внимание на неполноту разговора о доверии без недоверия, он посвящает недоверию специальный раздел в новой книге, предварительно напечатав его отдельно [Hardin, 2002: р. XVI]. Чуть позже недоверие становится основным предметом его научных разысканий, генерируемых вопросом о том, не началась ли “эпоха недоверия”: свежесть тематики уже привлекала исследователей, суля, к тому же, ощутимые дивиденды популярности у пытливого публики.

Изменения происходили в самой исследовательской атмосфере, интерес преимущественно к доверию, поддерживаемый вполне искренне у многих мыслью об аксиологической неравноправности доверия и недоверия в социальном мире, стремительно утрачивал настоятельность. А тема ускоренно исчерпывалась, быть может, вследствие все более явственно проступающей утопичности социологических проектов онтологизировать асимметрию в пользу доверия, которые предписывали индивидам и сообществам, какими им стоило бы или надлежит быть согласно возвышенным социальным, культурным, этическим критериям, в подтексте досадуя по поводу далекой от совершенства человеческой природы. Обозначилась любопытная сфера непонимания — как трактовать, объяснять, а то и оправдывать едва ли не тотальное отсутствие конфиденциальности в различных сегментах публичного и повседневного мира. В начале нового столетия фактом стало заметно увлечение проблематикой недоверия; все меньше социологов, психологов, философов вступаются за научный престиж и значимость доверия. К середине второго десятилетия уже доступны сотни публикаций и уместно отослать к наиболее приметным. В 2004 году первым, а в 2009 году вторым изданием под редакцией Р.Хардина выходит коллективная монография о недоверии, будучи восьмой в упомянутой серии [Hardin, 2009]. Через три года здесь же публикуется книга трех авторов “Сотрудничество без доверия?” [Cook, 2007], в которой обосновывалась возможность успешной аккумуляции усилий, знаний, ресурсов вне установления этических гарантий и предписаний. Вопросительный знак на титульной странице выдавал колебания американских специалистов, но французский философ и политолог П.Розанваллон в легитимности недоверия уже не сомневается, заявляя об этом заглавием опубликованного в 2008 году на английском языке исследования “Контрдемократия. Политика в эпоху недоверия” [Rosanvallon, 2008] и утверждая недоверие в статусе постоянно присутствующего экзистенциала, конститутивного элемента современной европейской демократии как политического режима. Отмечены и попытки культурного обоснования недоверия, в частности в виде культурной универсалии, пред-

ставленного С.Вершининым в 2007 году в ежегоднике Института философии и права Уральского отделения РАН [Вершинин, 2007].

Иначе говоря, современное (модерное) общество никак не исключает того, что доминирующим в нем настроением оказывается фиксируемое опросами общественного мнения недоверие, как это констатировано и для Украины. Уровни доверия граждан к правительствам и соотечественникам, конечно же, различны в более и менее социально благополучных странах, свидетельствуя о качестве установленной демократии, как различны и причины, в силу которых индивиды в разных странах неодинаково отвечают на одни и те же вопросы о доверии, непрерывно им задаваемые [Сасаки, 2013 и др.]. Но все-таки важнее сегодня присмотреться к феномену недоверия и понять его в контексте складывающейся в течение последних полутора десятилетий социально-гуманитарной концепции общества. А именно прояснить по возможности: насколько императивным остается требование “доверять” в непредсказуемо сегментирующемся обществе XXI века в целом, насыщенном как информационными достоверностями, так и, в не меньшей мере, бесполезными и бессодержательными информационными шумами. И в функционирующем без отчетливо устанавливаемых или аналитически выявляемых векторов эволюции украинском обществе, в частности.

Или задаться вопросом, что в свойствах и характеристиках современности обуславливает не меньшую, по крайней мере, рациональность недоверия как отношения, предрасположенности к действию и реального действия по сравнению с доверием? И если в конце 1990-х годов П.Штомпка еще полагал, что институционализация недоверия стимулирует поиски доверия, то ныне убежденность в этом едва ли вдохновляет научное сообщество. Дж.Пиксли, интервьюировавшая представителей крупного финансового бизнеса, констатирует, что поскольку деньги на глобальных рынках представляют собой весьма ненадежный инструмент, постольку недоверие влетено во все финансовые взаимодействия [Pixsley, 2004: p. 2]. Здесь, как можно понять, в каких-либо значимых объемах доверию уже не место: риски и неопределенности таким инструментом социального происхождения принципиально не компенсируются. Впрочем, не компенсируются они и недоверием, как убедил в этом всех финансовый кризис конца прошлого десятилетия.

Наряду с финансовой сферой недоверие доминирует в сфере политики. П.Розанваллон приписывает недоверию доминантный статус в современных отношениях между гражданами и избираемыми во власть их представителями, и тогда делегирование власти вовсе не тождественно делегированию доверия на весь срок полномочий. Со стороны граждан не доверять значит обладать способностью и ресурсами отслеживать действия власти, оценивать их и предъявлять свои оценки с целью коррекции проводимой политики. Демократия, в таком случае, представляет собой не дар, не временное соглашение о праве на управление, но итог длящегося между датами выборов обмена избирателей с избираемыми. То, что именуется автором “контр-демократией”, подразумевает некое встречное заявление о себе “народного суверенитета” как о перманентно отправляемой косвенной власти, наряду с представительской, которая обновляется эпизодически. И эта косвенная власть поддерживается механизмами организованного в разные форматы недоверия — от бдительности до использования права вето. В таком случае мы имеем дело, утверждает П.Розанваллон, с демократической формой

недоверия. С тем, в чем в идеале отсутствуют враждебность, желчное подозрение, намеренная отстраненность с затаенной агрессивностью и что весьма плодотворно для совместного существования, хотя амбивалентный характер недоверия, способного возыметь как благотворный, так и деструктивный эффекты, требует осторожности с его квалификацией [Розанваллон, 2012]. Тем самым апологетике доверия, демонстрируемой приверженцами коммунитаризма в соответствующих публикациях, противопоставляется презумпция недоверия. Но обе разновидности утверждают ассоциативность в качестве неперемennого условия признания каждым легитимности присутствия других в общем пространстве.

Три фактора, считает П.Розанваллон, порождают ту форму агрегации индивидов, которую сегодня именуют “обществом генерализованного недоверия”: научный, экономический и социологический. Научный описан У.Беком в книге о рисках и неопределенностях: баланс результирующих эффектов нового знания и основанных на них военных, промышленных и информационных технологиях стабильно отрицателен; экономический — связан с фиаско, постигшим прогнозирование эволюции сфер производства и потребления в условиях все большей открытости рынков внешним влияниям; социологический фактор манифестирует растущую отчужденность индивидов от власти, резюмирующуюся в равнодушии к власти, в непонимании ее действий, в убеждении, что на нее нельзя полагаться и надеяться.

Разумеется, список факторов не исчерпывающий, и первое впечатление таково, что остаются шансы расширить его и предложить некие обобщения. Подобный вариант восприятия или, позволительно предположить, “описания реальности” допускает множество интерпретаций, каждая из которых, возможно, уточняет иные, или дополняет их, или излагает все то же самое иными словами. Применительно к последней опции остается только сказать, что ситуацию недоверия генерализуют два взаимозависимых обстоятельства — темпоральное и экзистенциальное.

Временные модусы недоверия

Темпоральное обстоятельство — *транслирующее опасность прошлого и непрозрачное будущее*. Метаморфозы, случившиеся с ощущением и распознаванием времени и его измерений не только в социальных науках, но и в практиках взаимодействий в социуме, неоднократно описаны в специальной литературе. Наиболее существенное в них сводится к тому, что прошлое ничему полезному не учит, не предуготовляет к продуктивному действию в настоящем, скорее оно источает позабытые или, напротив, незабываемые опасения, тревоги и недосказанности. История как коллекция увлекательных нарративов не отягощена сегодня дидактической задачей. В лучшем случае прошлое репрезентируется привлекательными символами, ритуальными церемониями и фигурами, перечень которых не столь уж велик и вполне стандартен, за временными исключениями, в поверхностных структурах массовой памяти, сворачиваясь в остальном в нечто ненужное. В худшем — и более распространенном — случае оно оказывается накопленным опытом несправедливости или даже злодеяний, не излечиваемых временем травм, тем, чего спокойнее сторониться, к чему лучше относиться с опаской и настороженностью. В отношении науки и технологии это показано У.Бе-

ком: знание, обязанное, согласно идеалу Просвещения, быть доброй силой, оптимистических ожиданий не оправдало. И это замечено до появления нанотехнологий и их приложений в медицине и биологии, манипуляций со стволовыми клетками, последних “успехов генной инженерии”, масштабных загрязнений окружающей среды крупными катастрофами на атомных станциях и нефтяных платформах, скандалов из-за прослушивания телефонных разговоров и отслеживания обмена информацией в Интернете между гражданами и правительственными органами, то есть до появления все новых и неожиданных источников беспокойства и неуверенности.

Будущее — краткосрочное и долгосрочное — в силу разнообразных, но точно или приблизительно идентифицируемых, глобальных и локальных причин становится непрозрачным, уходя за недостижимый горизонт настоящего. Вероятности уже не просчитываются, последствия принимаемых решений непредсказуемы. Все выглядит так, будто иссякла сама способность рационального предвидения, а стратегическое, на дальнюю перспективу, государственное и местное управление окончательно дискредитировано, уступив место ежедневным стычкам с множеством хозяйственных и социальных проблем, часть из которых не поддается никакому воздействию, будто обладает неисчерпаемым ресурсом аутопойезиса, самовоспроизведения. Подобную ситуацию нередко называют презентизмом — расширившимся за счет прошлого настоящим, вглядывающимся не в дали будущего, но, словно в зеркало, в самое себя, когда сомнения окончательно не развеиваются, серьезности не отводится больше места, а ирония и скепсис оказываются главными составляющими атмосферы, в которую погружена вся социальная конструкция, именуемая обществом.

Фактологические репрезентации подобной ситуации когда причудливы, а когда тривиальны. Всем известно, например, что кризисы в экономике и финансах случаются с разной периодичностью, но каждый раз их не удается предвидеть и предотвратить. Постфактум же, как правило, вездесущие медиа отыскивают свидетельства и авторов “точных” прогнозов, к которым никто из тех, кому полагалось бы, не прислушался. Поскольку в презентизме уже нет места безальтернативному научному расчету и привязанной к нему экстраполяции, постольку привилегию рекрутировать все новых адептов обретают альтернативные приемы заглядывать в будущее. Астрологические и прочие предсказания, в том числе политического и социального толка, внезапно размножившегося племени экспертов, вытеснивших идеологов, авторитетных властителей дум и интеллектуалов, прочно вошли в практику повседневности, не без помощи все тех же традиционных и новейших медиа. Массово тиражируются образцы поведения, предпочтительные на сегодня и завтра, из глубокой древности и сказаний прорицателей извлекаются знамения грядущих событий, а постановочные небылицы в телевизионных шоу собирают значительные по численности аудитории. Отныне устойчивая связь с будущим успешнее поддерживается преимущественно архаичными инстанциями, пестрым агломератом предприимчивых медиумов. И хотя экскурсии за пределы настоящего остаются делом индивидуального выбора, но абсорбировать недоверие им не удастся, будущее как обещание причастности дезавуировано. Не ясно, окончательно ли, но тоска по нему все больше дает о себе знать.

Бессильное, неспособное прорваться в будущее знание, а тем более знание, несущее угрозы и неопределенности, перестает быть структурным элементом процесса социализации индивидов, утрачивает социально интегрирующую функцию, расчищая пространство для социальной дифференциации, стремящейся к дроблению на бесконечно малые, доходящей до естественного предела индивидуализации. Там, где всеобщему достоянию, каким все еще видится знание, ставится предел, там берет начало то, что М.Гросс называет “правом не знать” [Gross, 2012]. Причем “незнание” трактуется весьма специфично: индивиды не просто отворачиваются от знания или игнорируют его, напротив, они уже твердо знают, что ученые и технологи столь же мало осознают возможные эффекты своих инноваций, как и граждане всех прочих занятий, знание о незнании интеллектуалов и профессионалов уже не позволяет им легковерно обманываться. Такого рода знание генерирует недоверие, побуждая искать альтернативные источники и способы обретения социального, рационального и эмоционального равновесия в мире неопределенности и небезопасности. Впрочем, вынужденно приобретенное гражданами из-за неуверенной экспертизы “право не знать” подкрепляется и индивидуальными инициативами: “не знать наверняка” становится нормой и в отношении конкретных событий, идей и мнений. Поскольку медиа не настаивают ныне на доставке истины, продвигая свои версии подлинности, желающим остается принять их либо опровергнуть, тут же или протестировав, например, в Интернете, где, как известно, имеется все. Но чаще всего и такая возможность остается призрачной, не освоенной в силу цейтнота, экономии сил и внимания, простого уклонения от принудительности рациональных доводов или же реализованной под давлением сугубо утилитарных задач. Сдерживанию культурной компетентности способствует и избыточность информационных импульсов, заслониться от чего можно лишь ограничив число трансляторов и выбрав те, на которые по разным причинам стоит больше полагаться по сравнению с конкурентами. Однако и в этом случае доверие никак не захватывает аудиторию всецело. К примеру, только половина тех зрителей, кто смотрел в апреле 2013 года самые рейтинговые украинские новости — Подробности на Интере и ТСН на 1+1, преимущественно им доверяла (46%, 52% соответственно).

Уместным здесь будет обратиться и к теме культурного содействия укрепляющемуся недоверию, расширив список факторов П.Розанваллона и не обольщаясь насчет продуктивности подобных членений и классификаций. Современная культурная фактичность, институционализацию которой связывают с реакцией на неопределенность перспектив и всевозможные риски, все отчетливее обнаруживает разрастающиеся смысловые зоны, еще недавно казавшиеся оборотной стороной, ущербными местами в пространствах своих позитивных коннотаций, а сегодня вполне самореферентные, структурирующие культуру и повседневное действие. Незнание и недоверие относится к их числу, как и не менее выразительный и проблематичный феномен “непонимания”, лояльность к которому артикулирует немецкий переводчик с арабского С.Вейднер. Он так и называет свою статью — “В защиту непонимания, или Критика безупречного перевода” [Вейднер, 2011], имея в виду не только и не столько особенности своего профессионального труда, сколько уязвимость и ограниченность утвердившейся культурной установки на универсальную переводимость любых знаков,

символов, текстов, а значит — мира и всего того, что в нем происходит, в принципиально понятные смысловые конструкции, их редукцию к предельно упростимым состояниям, неосмотрительно выводя из культурного оборота непереводимое как неподлинное. Стерильность понимания, обязанность понимать, желание достичь понимания мгновенно, без каких-либо усилий проецируется и на область нашей терпимости в отношении других людей, групп, явлений, событий, урезая и суживая ее границы до выразимости их на языке медиа. Непонимание же позволяет пристальнее вглядываться в детали, острее воспринимать разного рода несоответствия и пересматривать решения.

Среди дескрипций коллективной жизни в мире, полном неопределенностей, фигурирует и концепт “гражданская невнимательность” (“civil inattentiveness”). С.Хиршоер предлагает ввести его для идентификации ситуаций случайного и временного со-присутствия индивидов в общей локальности при схожих обстоятельствах, когда, несмотря на близость размещения, коммуникация между ними не обязательна, как между пассажирами общественного транспорта или лифта [Hirschauer, 2005]. Это те состояния, где никакого доверия не ожидается, как не предусмотрена в идеале и взаимная подозрительность, где измерительный вектор отношения “доверие — недоверие” утрачивает релевантность, поскольку в таких ситуациях культивируются практики утверждения статуса Зиммелева “постороннего”, имеющего равные со всеми остальными права на временно занимаемое пространство без каких-либо обязательств личностной манифестации. В современном городском контексте повсеместные разговоры по сотовому телефону дают подобный пример, когда нескромность говорящего и деликатность слушателя, научившегося отстраняться от чужих бесед, составляют лишь малую часть в нескрываемой взаимной неинтересности.

Подобные практики проживания в презентизме обеспечивают как минимум двойственное влияние на смысловое культурное участие и, ослабляя напряжение внутри, казалось, известных и устойчивых на века ценностных оппозиций, усугубляют безотносительность индивидов к прежним культурным канонам и правилам, которая не воспринимается ими как серьезная проблема, требующая разрешения в будущем. Демонстративная simultанность медиа-реальностей, утрата критического смысла понятия манипуляции в связи с цифровой обработкой образов, ничем другим не являющейся, мультиплицитность культуры в целом не возбуждают вопрос о доверии, открывая простор для других потребностей пользователей — в игре, развлечении, любопытстве, сильных ощущениях, восполняющих пресную повседневность, в информации о событиях и отстранении от них же. В отношении политики, о которой рядовые граждане знают преимущественно по ее презентации в медиа, происходит все то же самое. Но стоит политической ситуации взорваться, как это случилось в Украине в конце 2013 года, и интерференция волн недоверия как нерелевантности постановки вопроса о доверии и как его острого дефицита производит ошеломляющие эффекты. Отныне сомнению подвергаются любые слова и действия властей, протестующих, внешних и внутренних акторов экстраординарных событий на экране и их политических и медийных продюсеров. Либо же люди безоглядно начинают убеждать себя и других, на кого и на что следует положиться, если вы желаете ввериться праведной идее, справедливой политической силе, истинно

гражданскому движению, единственно правдивым медиа, и отказывают имеющимся альтернативам в хотя бы незначительном кредите искренности. Такое нередко происходит даже вопреки кажущейся всем прочим очевидности, в чем сами же медиа играют весьма немаловажную и поливалентную роль. И те из них, что работают на официально зарегистрированных частотах, и разнообразные личные гаджеты, по ходу дела фиксирующие все вокруг для молниеносной доставки в Интернет, совместно с улицей, с “площадью, заполненной до краев” (как говорит Джудит Батлер, анализируя народные демонстрации зимы 2011 года на Ближнем Востоке и в Северной Африке), превращаются в онтологические структуры “самой современной версии публичной сферы” [Butler, 2011], которая, будучи таковой, не может обойтись без aspirations пусть минимального доверия между участниками. В то же время, информационные атаки на противоположную сторону конфликта с помощью всех этих коммуникативных средств мобилизуют усилия атаковать и людские тела, артикулируя недоверие в экзистенциальном пространстве и времени.

Экзистенциалы недоверия

Доверие, как об этом можно прочесть у многих, начиная с Г.Зиммеля, предполагает три, и не меньше, модуса времени: оно начинается в прошлом, длится в настоящем и восходит к будущему. Ничего похожего презентизм не предполагает; в этой особой темпоральной реальности — едва ли не герметически замкнутом настоящем — доверию не развернуться, оно схлопывается в недоверие, дополненное и расширенное экзистенциальным обстоятельством — *насилием*.

В наборе социологических парадигм, доставляющих различные образы свойств и особенностей совместной жизни людей, присутствует и конфликтная парадигма, в которой насилие является если и не определяющей, то весьма приметной характеристикой. В самом деле, индивидуальные и коллективные взаимодействия допустимо, а порой единственно уместно интерпретировать в терминах влияния, вмешательства, подчинения, зависимости, господства, унижения или даже террора и войны. Социологическая рефлексия, принимающая за нечто естественное максимальное расширение содержания и употребления концепта “насилие”, локализована, как в том нас убеждает Л.Болтански, в пределах критической социологии [Boltanski, 2011: p. 20]. В публикациях встречаются и возражения против подобных ограничений, а “отцов-основателей” социологии упрекают в неадекватном пацифизме, граничащем с утопически-благостным изображением действительности [Malesevic, 2010]. Разумеется, “насилие” из тех концептов, которые как некий оптический универсал в состоянии создавать собственную перспективу видения реальности, что в гипостазированном пределе означало бы, будто весь мир людей есть единственно мир насилия. Презумпция альтруизма, взаимной поддержки человеческих существ, их сострадания к себе подобным допускается как редкостное отклонение в таком мире.

Применительно к современным социумам Ф.Гро, к примеру, предлагает говорить о “ситуациях насилия” [Гро, 2011]. Случившаяся медиатизация насилия стала образным подтверждением его неразъемного вплетения в ткань повседневности, в микрофизику экзистенции, что порождает тревогу

и ощущение незащищенности. Безопасность как бы отменяется, ведь каждый может стать жертвой, а телевизионный или в Интернете просмотр новостей поддерживает состояние тревоги без перспектив достижения мира и без передышки. Визуализация страдания жертв военных конфликтов, постоянное подтверждение беспощадной активности террористов, организованной и неорганизованной преступности, психически неуравновешенных или отчаявшихся индивидов, ненамеренные смертельные случаи в результате автомобильных аварий и техногенных катастроф, наконец, жесткость силовых структур — распространенная культурная практика медиа, возводящая насилие в беспрестанность. И это уже насилие без шансов на оправдание, оно сродни стихийным бедствиям, заранее не выбирающим целей, насилие бессмысленное, не упреждаемое никакой бдительностью.

Впрочем, источник волнений и чувства незащищенности — не только в угрозах физическому существованию. В экономике, где доминируют быстро обновляющиеся информационные технологии и сфера услуг, то не предвидимо увеличивается, то произвольно сокращается количество рабочих мест, занять которые можно и без длительного профессионального обучения. Однако это “тупиковые” варианты, здесь отсутствуют перспективы профессиональной карьеры, здесь трудовая история не в счет, а будущее свернуто, здесь все сведено к длянущемуся, но не прочному настоящему, без артикулированных прав и контрактов, гарантирующих стабильную занятость. В последние два десятилетия сформировался слой, долю которого в населении интернациональный коллектив исследователей в Великобритании оценивает в 15% и именует “прекариат” [Savage, 2013: p. 230–232].

Другими словами, целесообразно принимать во внимание структурный аспект неявного насилия, оставляющего индивидов наедине с угрозами и неопределенностями социального существования. Институты и организации, которые не выполняют или же утрачивают в силу ряда причин функции по обеспечению коллективной безопасности, насильственно переводя их в исключительное ведение персон, естественно культивируют негативные эмоции (подозрительность, тревогу, незащищенность) в сообществах индивидов и, как следствие, продуцируют недоверие к самим себе. В том же процессе они обретают свободу от обязанностей, одновременно присваивая недоверие как ресурс эмансипации от граждан, замыкаясь в себе и праведно или иначе отстаивая собственную самодостаточность. Но и граждане в таком случае также освобождаются от необходимости вверять себя институтам и руководящим персонам, бесповоротно от них дистанцируясь и используя индивидуальные тактики защиты от нападений.

Существенно, несомненно, и то, что доминантному социальному институту — государству — имманентно присуще насилие. Концептуально оформленное представление об этом, читаем у П.Слотердайка, складывалось в эпоху модерна: “...у основоположника новейшего радикального контрактуализма Томаса Гоббса охваченные разумным страхом смерти индивиды совместно основывают государство-фирму “Левиафан”, при условии, что ее генеральный менеджер, монарх, будет управлять ею как внушающим возвышенный страх предприятием сферы обслуживания по производству мира и правовой защищенности в ситуации тогдашних гражданских войн” [Слотердайк, 2010: с. 271]. Если не забывать недавнее тоталитарное прошлое с массово практиковавшимся устрашением граждан, то сегодняшнее недовере-

рие к государству населения Украины оказывается в том числе и ослабленным эхом такого страха. К тому же легко подобрать образцы действия и бездействия государства в истории независимой Украины, которые имели выраженную насильственную форму и провоцировали каждый раз деструктивные эмоции и угнетенные психологические состояния граждан. Но и они не идут ни в какое сравнение с насилием вооруженных государственных структур на Майдане Независимости Киева зимой 2013 года. И, напротив, их полное бессилие перед вооруженными формированиями людей на Востоке страны весной 2014 года.

Насилие, во всем многообразии его проявлений в отечественных пределах, от самоочевидных до почти не замечаемых каждым в отдельности, фатально деформирует некую целостность, репрезентирующую, в понимании социологов, совместное бытие людей, попутно аннигилируя обеспечивающие порядок нормы и правила. В состояниях насилия, сопутствующих кризисам, потенциал несомненного, признаваемого всеми различия добра и зла, правды и лжи, подлинного и иллюзорного стремится к своему минимуму, а брутальная фактичность поддается интеллектуальной и этической ассимиляции весьма избирательно или не поддается вовсе. Враждебные оппозиции визуализируются, невероятное намерено представлять достоверным, взаимную неприязнь репрезентирует явственное разноречие восприятий, оценок, оправданий — множатся, иначе говоря, признаки и манифестации общественного разлада. Одновременно атрофируется способность индивидов, равно как экспертных сообществ и региональных общностей, уверенно различать политические, социальные, моральные дилеммы и неконфликтно встраивать их в легитимное государственное или надгосударственное устройство. Или же, напротив, формируется упорное нежелание признавать такие дилеммы. В подобной среде открытости и доверительности место если и остается, то не много.

Недоверие ожидаемо куда более определенно и вследствие культурной составляющей отчужденности граждан и институтов от общих задач, инспирированной избытком разнообразных версий реальности, бытующих в медиа или в непосредственных коммуникациях между людьми и заменяющих доверие к ним их предпочтением в качестве критерия выбора приемлемых. То есть недоверие, воплощенное в структурную форму, уместно идентифицировать как *отсутствие доверия* в результате неопровержимой дискредитации или очевидного ослабления социальных институтов и утраты авторитета политическими лидерами, свойств и следствий плюральных ситуаций насилия, присущих, по мнению Р.Жирана, кризисным состояниям социума [Жиран, 2010: гл. 2]. Но также оно проявляется и как *безотносительность* к доверительному императиву, которая показательна в неупорядоченных и разносторонних культурных практиках, индифферентных к манипуляциям со стороны. Последнее дает аллюзию неких измененных метафизических условий функционирования социума, которые поступательно складываются и утверждаются.

Перманентно совершающееся размывание общих коллективно и лично значимых символов и знаков солидарности (государство, национальная идея, лидер) манифестирует, что устремление к сплоченности явно уступает в энергетике тенденциям разобщения. Между тем немаскируемые практики и способы притеснения поверх формальных и неформальных

норм и законов облегчают познавательную задачу пытающегося разобраться в происходящем наблюдателя. Ему не обязательно уже предполагать наличие возвышенных, рационально обоснованных целей и освящающих их ценностей, которые направляют и регулируют действия индивидов и групп, поскольку в таких обстоятельствах в игре остаются исключительно интересы, которые циркулируют в сообществах и продвижение которых вуалируется обыкновенно риторикой “общего блага”, какую бы идеологическую подоплеку она ни имела. Ближайшим итогом оказывается фиксируемое социологическими инструментами, но едва ли выносимое на публичное обсуждение взаимное неприятие, если не обоюдное отрицание граждан и власти. Хотя, конечно, как именно заполняющее социумы недоверие будет сказываться на имеющих изрядный ресурс устойчивости экзистенциалах человеческого существования, таких как вера или надежда, остается интригующим вопросом и для исследователя.

* * *

Опыт изучения доверия, а также высказанные здесь соображения позволяют предположить, что эмпирическое социологическое исследование недоверия на основе комбинации количественной и качественной перспективы могло бы, в самом общем плане, выявить и установить:

- наиболее общие обстоятельства (факторы), рационально конституирующие ситуацию недоверия и дезавуирующие императивность ситуации доверия (материальные и метафизические, социальные, политические, культурные);
- диспозиции и практики недоверия — предрасположенности к действию и акты поведения, типы форматов явного и латентного пребывания в состоянии недоверия в социуме, личный и коллективный опыт манифестации недоверия к институтам, организациям, сообществам, персонам, неучастия в социальном взаимодействии; деградирующие солидарности;
- эмоциональный контекст, сопровождающий ситуации недоверия: степень тревожности и беспокойства, дефицит безопасности, настроения неопределенности и непонимания сил, влияющие на направление социально-политических и экономических процессов;
- ценностно-смысловые обоснования недоверия, культурные механизмы, ему содействующие, глобальные и частные медиа-практики, продуцирующие хаотичность информационных потоков, неопределенность коммуникативных полей, социальных, гражданских и экзистенциальных состояний;
- стратификацию и дифференциацию населения по эмоциональному контексту, диспозициям и практикам недоверия; возможные сценарии эволюции его пространств и ситуаций в относительно стабильных и кризисных, возбужденных социумах.

Разумеется, обстоятельный анализ всего произошедшего в Украине и с Украиной в течение последнего года еще предстоит, что требует его непредвзятого обдумывания, в том числе и в перспективе укрепившегося феномена общественного недоверия, которое, помимо политических интересов, неординарно повлияло на драматичное приобретение гражданами “телесного

и лингвистического опыта права” (Х.Аренд), на их несогласие, их нежелание принимать чью бы то ни было монополизацию условий реальной жизни и человеческого существования.

Источники

Вейднер С. В защиту непонимания, или Критика безупречного перевода / Стефан Вейднер // Неприкосновенный запас. — 2011. — № 5 (79), <http://magazines.ru/nz/2011/5/ve17-pr.html>.

Вершинин С.Е. Социальное недоверие: парадигмы анализа, источники, функции (к постановке проблемы) / С.Е. Вершинин // Институт философии и права УрО РАН : ежегодник. — 2007. — № 4. — С. 61–74.

Гро Ф. Состояния насилия / Фредерик Гро // Логос. — 2011. — № 1 (80). — С. 149–171.

Гудков Л. Доверие в России: смысл, функции, структура [Электронный ресурс] / Л. Гудков. — Режим доступа : <http://russ.ru/журнальныйзал/НЛО/2012/№117/>.

Жирар Р. Козел отпущения / Жирар Р. — СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. — 336 с.

Розанваллон П. Контрдемократия: политика в эпоху недоверия [Электронный ресурс] / Пьер Розанваллон // Неприкосновенный запас. — 2012. — № 4 (84). — Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/nz/2012/4/r2.html>.

Сасаки М. Сравнительный анализ доверия в различных странах / [Масамиси Сасаки, Владимир Александрович Давыденко, Гульнара Фатыховна Ромашкина, Виктор Васильевич Воронов] // Социологические исследования. — 2013. — № 3. — С. 60–73.

Слотердайк П. Сферы. Плюральная сферология. Пена / Слотердайк П. — СПб. : Наука, 2010. — Т. 3. — 922 с.

Boltanski L. On Critique. A Sociology of Emancipation / Boltanski L. — Cambridge : Polity Press, 2011. — 191 p.

Butler J. Bodies in Alliance and the Politics of the Street [Electronic resource] : Lecture [in the framework of the series The State of Things] / Butler J. ; the Office for Contemporary Art Norway (OCA). — 2011, Venice. — 7 Sept. — Access mode : <http://www/eipcp.net/transversal/2011/butler/en>.

Cook K.S. Cooperation without Trust? / Karen S. Cook, Russell Hardin, Margaret Levi. — N.Y. : Russell Sage Foundation, 2007. — 272 p.

Gross M. “Objective Culture” and the Development of Nonknowledge: Georg Simmel and the Reverse Side of Knowing / Matthias Gross // Cultural Sociology. — 2012. — Vol. 6, № 4. — P. 422–437.

Hardin R. Distrust / Hardin R. — N.Y. : Russell Sage Foundation, 2009. — 344 p.

Hardin R. Trust and trustworthiness / Hardin R. — N.Y. : Russell Sage Foundation, 2002. — 256 p.

Hirschauer S. On doing being a stranger: The practical constitution of civil inattention / Stefan Hirschauer // Journal for the Theory of Social Behaviour. — 2005. — Vol. 35, № 1. — P. 41–67.

Malesevic S. War and Violence in Classical Sociology / Sinisa Malesevic // European Journal of Social Theory. — 2010. — V. 13 (2). — P. 193–212.

Pixley J. Emotions in Finance. Distrust and Uncertainty in Global Markets / Jocelyn Pixley. — N.Y. : Cambridge University Press, 2004. — 228 p.

Rosanvallon P. Counter-Democracy. Politics in an Age of Distrust / Rosanvallon P. — N.Y. : Cambridge University Press, 2008. — 336 p.

Savage M. A New Model of Social Class? Findings from the BBC’s Great British Class Survey Experiment / Mike Savage, Fiona Devine, Niall Cunningham, Mark Taylor, Yaojun Li, Johs. Hjellbrekke, Brigitte Le Roux, Sam Friedman and Andrew Miles // Sociology. — 2013. — Vol. 47, № 2. — P. 219–250.